

УДК 165.12

О.В. Хлебникова

ГНОСЕОЛОГИЯ КАК ТЕОРИЯ ПРИСВОЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

Исследуется проблемное поле гносеологии в семиотической перспективе. Философия при этом рассматривается как особый коммуникативный дискурс. Освещается концепция понимания гносеологии в качестве глобальной теории значения, актуализирующей становление собственно философского языка.

Ключевые слова: гносеология, семиотика, философский текст, значение, смысл.

Современная философия, давно уже являющаяся, по сути, не столько традицией приобщения к мудрости, сколько упорядоченным, системным дискурсом, воплощенным благодаря особому писательскому искусству, может быть рассмотрена как специфическая коммуникативная среда. В подобной перспективе всякий философский текст предстает перед нами в качестве материального воплощения особым образом организованного философского языка.

Одной из наиболее характерных черт этого языка является его лексическая и синтаксическая концентрация вокруг события такой метарефлексии, которая по своим важнейшим свойствам отличается и от простого обладания некоторым информационным объемом, и от любого размышления по поводу вероятных метаморфоз той или иной информации. По сути, речь здесь идет о философской логике как о логике «второго порядка», которая каждый раз реализуется через систему обоснования причинно-следственных связей в сфере работы самих условий возможности всякого рода «линейной» рефлексии.

В практическом же отношении подобная метарефлексия сводится, по выражению Д.В. Анкина, к двойному «похищению» естественного языка [1. С. 44]. В качестве первого «похищения» здесь служит введение запрета на использование ближайших значений слов естественного языка. Вторым же «похищением» служит обнаружение за «перевернутыми» значениями случившегося смысла, который всегда оказывается непричастным их прямой логике [2. С. 34–38].

Фактически в философии смысл является собственно телом события второго «похищения» естественного языка, знаменующего собой «кражу» любых значений вообще вслед за «кражей» ближайших значений. В этой связи следует заметить, что существо философской метарефлексии заключается, прежде всего, в демонстрации существования отношений нонсенса между феноменами значения и смысла как таковыми. Другими словами, непрерывное осуществление возможности двойного «похищения» естественного языка философией показывает его изначальную склонность к тому, чтобы быть «украденным». Пространством такой демонстрации и местом «похищения» выступает философский текст.

Таким образом, современная письменная философия является особым дискурсом, предназначенным для обоснования самой идеи отсутствия прямой логической связи между значением и смыслом. Наиболее перспективным методом изучения такого дискурса выступает, на наш взгляд, семиотический

метод [3]. Семиотику при этом мы понимаем предельно широко, как учение о самих способах существования человека внутри создаваемого им пространства смыслов [4. Р. 150–153].

При более тщательном исследовании становится ясным, что непосредственно способы демонстрации парадоксов связи смысла и значения, то есть способы «похищения» естественного языка, могут существенным образом различаться. Речь должна будет идти о выделении, например, онтологического способа, гносеологического, антропологического и т.д.

В пределах настоящей статьи мы обратимся к изучению гносеологического способа «похищения» естественного языка философией.

Обычно под термином «гносеология» подразумевают такой тип оперирования значениями, который нацелен на конституирование смыслов, имеющих отношение к установлению собственно феномена взаимодействия между мыслью и фактом, мыслью и событием, мыслью и чтойностью, которую она осмысляет. Гносеология, таким образом, обращает «похищенное» во внутренний экстерьер пространства мысли, соотнося вообще интеллектуальный порядок в его структурной и архитектурной целостности с порядком состоявшейся чтойности. В данном случае противоречивый образ «внутреннего экстерьера» отсылает нас к необходимости экспликации базовых композиционных свойств, присущих поверхности соприкосновения между двумя названными выше порядками (причем внутренним этот экстерьер является в силу того, что соотнесение мыслимого с действительным само по себе обладает характером мыслимого. При этом он тем не менее остается экстерьером в силу невозможности финального отождествления мысли самой с собой и преодоления круга в восприятии).

Если же мы обратимся к рассмотрению гносеологии непосредственно в перспективе семиотики, то увидим, что речь с неизбежностью должна будет идти о попытке построения общей теории собственно присвоения значений. Причем ясно, что существом подобной теории, в интересующем нас ключе, может являться только демонстрация непреодолимой произвольности этой процедуры, поскольку вообще само значение понятия «значение» не может быть определено однозначно [5. Р. 48].

При внимательном исследовании текстов западной гносеологии обнаруживаются, как минимум, три исторические разновидности теории присвоения значений:

1. Метафизика значения. С попытками конструирования гносеологии в качестве метафизической теории значения мы сталкиваемся, например, в работах Платона, Аристотеля, Ансельма Кентерберрийского, Ф. Бэкона, Д. Локка, Р. Декарта и др.

Существом подобного рода метафизики является попытка окончательно соотнесения категории «значение» с абсолютными свойствами объектов, связей между ними и субстанциальными характеристиками сконструированной чтойности вообще. В определенном смысле здесь мы имеем дело с ситуацией, когда значение понятия или утверждения, отсылающего нас к некоторой вещи или событию, всегда выступает как величина, сопоставимая, однопорядковая с представлением об идее (эйдосе, форме) вещи, либо с представлением о фактической данности (как то, что дано) опыта.

В таком контексте значение выступает в качестве универсального онтологического коррелята. Процедура присвоения значения, следовательно, всегда задается интенцией к предельному, подлежащему разве что уточнению, но не пересмотру, масштабированию пространства мысли.

Сама же композиция сопоставления интеллектуального порядка с порядком состоявшейся чтойности в рамках метафизической теории значения структурируется, на наш взгляд, следующими принципами:

а) собственно постоянством значения. Данное обстоятельство не только актуализирует непосредственно «матрицу» масштаба мысли, но и делает возможным схватывание мышлением причинно-следственных связей между вещами, отношениями и событиями (более того, само неизбежное конституирование этих связей как специфического смысла есть побочный результат стабильности события присвоения значения как такового). И, таким образом, финальным, итоговым обоснованием вообще любой процедуры логического вывода всегда выступает неизменность значения;

б) редуцированным характером всякого смысла. Речь идет о непреодолимом эффекте метафизического рассмотрения значения, заключающемся либо в простом сведении, редукции смысла к значению (что обуславливается собственно однопорядковостью значения с представлением об идее вещи), либо в обращении к смыслу как к функции значения. Причем свойствами данной функции являются: ее прямой характер (всякий смысл находится в прямой зависимости от того или иного значения), однозначность любого функционального соответствия (определенный смысл всегда соответствует строго определенному значению), обратимость соответствий (работая со смыслами, всегда можно эксплицировать конституирующие их значения). Следовательно, в подобном контексте процедура проверки смысла на предмет «правильности» его вывода из значения является обязательной;

в) стремлением мыслить круг в восприятии мира в качестве разорванного. Суть дела здесь заключается в попытке введения в гносеологический дискурс такой базовой характеристики самой идеи связи между чтойным и мыслимым, как истина в качестве формы, устанавливающей их тождество. То, что мы мыслим, следовательно, в финале совпадает с тем, что стало (конечно, при условии, что акт мысли на всем своем протяжении выдерживает универсальный масштаб, заданный присвоенными значениями). Метафизика значения, таким образом, удостоверяет статус субъекта мысли как особой структуры, включенной в событие связи мыслимого и чтойного, поскольку субъект здесь рассматривается в качестве места их встречи, соединения. И так как представление об истине вводится при этом как представление о героической возможности переживания субъектом состояния субстанциальной аутентичности тому положению, в которое поместила его ставшая чтойность, то круг в восприятии оказывается разорванным (собственно, наличием данной возможности).

Можно констатировать, что в рамках метафизики значения само это понятие рассматривается, помимо прочего, в контексте неотвратимой неизбежности своего рода сверхчувственного опосредования «правильного» взгляда на вещи (поскольку уж сама постановка вопроса об осмыслении чтойного автоматически предполагает здесь предельность и окончательную устойчивость мыслительного масштаба);

2. Феноменология значения. С гносеологией, понимаемой в качестве феноменологической теории значения, мы имеем дело в работах, например, Д. Юма, И. Канта, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, М. Фуко и др.

Вообще, значение всегда рассматривается здесь в качестве составной части своеобразной языковой игры, под которой понимается некая жизненная ситуация, заключающаяся во взаимодействии субъекта с целенаправленно актуализированными интенциями языка или, как писал Л. Витгенштейн, в переплетении языка и соответствующих действий [6. С. 83].

Это переплетение каждый раз задает определенный феноменальный контекст, в рамках которого теперь обозначенная чтойность немедленно принимает тот или иной конкретный вид, поскольку любой подобный контекст включает в себя все подходящие к случаю значения. Структурными единицами контекстов, по сути, являются концепты, то есть генеральные совокупности всех тех логических и семантических связей, в которые оказываются вовлечены значения всех тех понятий, с помощью каковых открываются некоторые перспективы зрения на соответствующие вещи, ситуации или отношения [7. Р. 134–173].

Собственно говоря, в рамках феноменологии значения сам данный термин соотносим исключительно с содержаниями контекстуальных концептов, а не с действительностью как таковой. И поскольку концепты, взятые в качестве состоявшихся событий, есть феномены, провоцирующие последующие языковые игры и ограничивающие пространство тех возможностей, которые отныне реализуются в жизни субъекта, провозимодействовавшего с миром в некотором контексте, постольку значение следует рассматривать тут как ключ к интерпретации данных феноменов, принимая во внимание при этом, что само оно тоже является феноменально (ведь значение понятия «значение» вплетено, собственно, в сам концепт контекста).

В целом феноменология значения указывает, по нашему мнению, на следующие характеристики композиции связи между мыслительным порядком и порядком чтойного:

а) как можно видеть, значение непостоянно. Данное обстоятельство обусловлено изначальной неопределенностью оснований каждого конкретного контекста (поскольку всякая языковая игра реализуется в виде гипотетической возможности всех контекстуальных перспектив). И, в свою очередь, именно оно обуславливает «возникновение» тех или иных связей мира, собственно, в момент означивания (существо этого момента Д. Юм, например, связывает с действием привычки, без которой мы «не знали бы никаких фактов» [8. С. 47], а М. Фуко – с некоторыми историческими условиями, историческими априори, при которых мы вообще могли бы «говорить о чем-то» [9. С. 45], но в любом случае речь идет о том, что логический вывод на своем первом шаге неизбежно вариативен);

б) смысл всегда зависит от значения. Однако эта зависимость носит не прямой характер, так как, во-первых, в силу непостоянства самого значения, в отношении его связи со смыслом имеются основания исключительно для говорения об обусловленности претерпевающим метаморфозы значением границ соответствующих превращений смысла. Во-вторых, одно значение может быть встроено в связи с несколькими смыслами, и при этом не суще-

стует закономерного соотношения между значением и наступлением его того или иного конкретного смысла. И, наконец, в-третьих, существует возможность обратного влияния смысла на значение (за счет преобразований собственно контекстов, вызванных видоизменением языковых игр);

в) действительно, существует круг в восприятии мира. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что порождающие феноменальные контексты языковые игры носят характер стихии (речь тут идет о том, что языковые игры, с одной стороны, являются тем жизненным фоном, который служит обрамлением любой человеческой активности, в силу чего, с другой стороны, их возникновение и функционирование протекают вне перспективы, указывающей на возможность стабилизирующего масштабирования мысли и вероятность синхронного проявления универсального контекста) [10. С. 237]. Круг в восприятии есть, следовательно, специфический эффект непреодолимой замкнутости на самой себе цепочки осуществляющихся событий концептов. И в этом отношении представление об истине вводится здесь в качестве представления о фактической, жизненной экспликации самого движения мысли по кругу восприятия.

Феноменология значения, таким образом, позиционирует данное понятие как своеобразный маркер, по мере проявления которого мы можем фиксировать связи мира как нечто, все более устойчивое, определившееся и вследствие этого теперь открытое для осмысления и познания;

3. Психоаналитика значения. С гносеологией, взятой в качестве психоаналитики значения, можно столкнуться, к примеру, в работах З. Фрейда, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж. Бодрийера и др.

Сам термин «значение» здесь рассматривается, прежде всего, в контексте спонтанных реакций субъекта познания на раздражающие воздействия мира. В свою очередь, спонтанность, о которой идет речь, связана с обусловленностью любой попытки говорения о мире разного рода коннотациями и ассоциативными рядами.

Иными словами, психоаналитика значения интерпретирует существо момента означивания как важнейшую часть процесса личностной манифестации субъекта. Значение, следовательно, здесь всегда выступает в качестве формального эквивалента ситуативных интенций психики. В нем артикулируются непроизвольно возникающие отношения субъекта к вызовам действительности.

Композиция же связи между интеллектуальным и чтойным порядками представляется психоаналитикой значения в единстве следующих составляющих:

а) значение вплетено в событие высказывания, которое случается исключительно в качестве события актуализации мирового хаоса. К подобным событиям нельзя «прийти», в них можно только «попасть» (притом, что мы никогда заранее не будем знать, куда именно мы «попали»). Следовательно, говоря о значении, мы всегда имеем в виду представление о некорректности любой постановки вопроса об абсолютной или контекстуальной фиксации его содержательных границ и сферы его действия, а значит, и о невозможности последующего «схватывания» структуры мира, развернутого собственно событием высказывания;

б) смысл каждый раз случается как нонсенс, поскольку рождается в качестве элемента хаоса второго порядка, возникшего «поверх» хаоса значений. В этом отношении смысл является той невозможностью, в которой соединяются абсурд действительности и личностная экспрессия. Смысл, таким образом, складывается словно бы вопреки растворяющемуся в аллюзиях значению. Вообще процесс смыслообразования следует рассматривать тут как процесс борьбы языка с всеобъемлющей энтропией значения;

в) круг в восприятии мира дает знать о себе непосредственно фактом невозможности исчерпания мирового хаоса каким-либо актом субъектного манифестирования, а равным образом и любым количеством таких актов (то есть в силу того, что любые «направления» разворачивающегося мира задают исключительно все новые конфигурации хаоса, сама постановка вопроса об установлении тождества восприятия самому себе выглядит логически некорректной). Данная невозможность обуславливает процедуру введения в гносеологический дискурс категории истины в качестве показателя меры успешности собственно манифестационного предприятия. Истина, следовательно, выступает тут как свойство субъекта, «устоявшего» под непрекращающимся давлением мира, сопротивляющегося любым попыткам артикуляции.

В целом можно сказать, что психоаналитика значения опирается на такое представление о содержимом данного понятия, согласно которому значение само по себе есть результирующая колебаний соответствующего пространства коннотаций, а равным образом элемент территориального распределения этого пространства вообще.

В конечном счете, рассмотрение гносеологии в семиотической перспективе как теории присвоения значения приводит нас к необходимости интерпретировать существо данной сферы философского знания в качестве области становления собственно философского языка, области рефлексии над основаниями «грамматики» философствования. В этом отношении основным (и, конечно, парадоксальным) гносеологическим вопросом, по праву, может считаться вопрос: «Как вообще возможно осмысленное говорение о мире, ведь, исходя из логики конституирования проговариваемых понятий, ничего не может быть сказано?».

Литература

1. Анкин Д.В. Прологомены к семиотике философии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. 294 с.
2. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 302 с.
3. Хлебникова О.В. Понятие «философский текст» в перспективе семиотики // Ценности и смыслы. 2011. № 5. С. 65–75.
4. Johansen J.D., Larsen S.E. Signs in use. London; New York: Harper Perennial, 2005. 386 p.
5. Quine W. From a logical point of view. 9 logico-philosophical essays. New York: Harper Torchbooks, 1963. 186 p.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 75–319.
7. Horwich P. Reflections on meaning. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005. 237 p.
8. Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 5–169.
9. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
10. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997. 318 с.